

© 2004 г.

Т. В. Корниенко

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПОСТРОЕК И СООРУЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ РАННЕГО ДОКЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА (ЭПОХА PPNA) СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ*

Истоки длительного пути развития архитектурного оформления древних культов от «алтаря под открытым небом» до величественных храмовых комплексов с вековыми традициями непосредственно связаны с глобальными процессами «неолитической революции», которая по праву считается исходным пунктом на пути к зарождению цивилизации вообще. Такие факторы «неолитической революции», как освоение земледелия, скотоводства, расширение орудийного репертуара, оседлость, появление домостроительства и протодеревень, усложнение социальной организации людей, новые открытия в познании природы и, наконец, изменения в духовной жизни древнего человека стали предпосылками для создания первых общественных культовых зданий, позже – храмов.

Именно для начальной стадии неолита – периода PPNA – одним из признаков изменений в сознании, фиксируемых по материальным свидетельствам, является изменение отношения к жилым помещениям, которое одни исследователи определяют как «уважительное»¹, а другие связывают с формированием «концепции дома»².

Прецеденты символического оформления круглоплановых строений необычной конструкцией, включающей две колонны, недавно стали известны из материалов Немрик IX и Гермез Дер, левобережье Верхнего Тигра, этап PPNA. Имеются данные, предполагающие домашнее использование этих сооружений, вероятно, совмещавших функции жилых строений и семейных святилищ³.

* Особую благодарность за финансовую поддержку в создании данной работы хотелось бы выразить Московскому индустриальному банку в лице его вице-президента доктора экономических наук Г.И. Макина.

¹ *Redman C.L. Regulatory and Change in the Architecture of an Early Village // The Hilly Flanks and Beyond: Essays on the Prehistory of South Western Asia. Chicago, 1983. P. 191; Бондаренко Е.С. Архитектура неолитических поселений Леванта и Восточной Анатолии IX–VI тыс. до н.э. как источник реконструкции социальных отношений // Рукопись, деп. в ИНИОН РАН. № 55498. 30.03.2000. С. 10.*

² *Watkins T. The Beginning of the Neolithic: Searching for Meaning in Material Culture Change // Paleorient. 1992. 18/1. P. 63–76.*

³ *Kozłowski S.K. Nemric 9: Pre-Pottery Neolithic Site in Iraq. (General Report-Seasons 1985–1986). Warsaw, 1990. P. 45–53. Fig. 15; idem. Nemric 9: Pre-Pottery Neolithic Site in Iraq. V. 2: House No.1/1A/1B. Warsaw, 1992. P. 33. Fig. 16; Kozłowski S.K., Kempisty A. Architecture of the Pre-Pottery Neolithic Settlement in Nemrik, Iraq // World Archaeology. 1990. 21. P. 352–358. Fig. 4–6; Watkins T. The Origins of House and Home? // World Archaeology. 1990. 21. P. 340. Fig. 4.*

Т. Ваткинс, автор раскопок Гермес Дере, сравнивая свидетельства указанных поселений с материалами эпилеолита Левантийского региона, высказал предположение о формировании особой «концепции дома» на территории Северной Месопотамии при переходе к оседлости в самом начале докерамического периода (ранний PPNA). На первый взгляд углубленные в землю конструкции, почти круглые в плане, известны и по памятникам натуфийского периода, и по данным этапа PPNA. Однако в начале докерамического неолита на территории поселений Верхнего Двуречья фиксируются некоторые новшества, указывающие на значительное изменение отношения к жилищу.

1. Повышенный интерес к внешнему виду постройки. В отличие от натуфийских домов полы и стены строений докерамического времени были покрыты глиняной или известковой штукатуркой. При этом свидетельства Гермес Дере и других поселений раннего неолита Северной Месопотамии указывают на частый ремонт и смену штукатурки, на изменение формы и замену внутренних конструкций в помещениях. Возведение новых домов на остатках предшествовавших в то время, когда вокруг было много свободного пространства, предполагает, что определенное значение придавалось преемственности в выборе места для строительства.

2. Скрупулезное внимание к чистоте дома. В отличие от натуфийских домов в помещениях Гермес Дере не было выявлено никаких бытовых остатков, даже золы в печах, даже обуглившихся зерен на полу.

3. Вынесение хозяйственных видов деятельности за пределы дома, что связано с чистотой в доме. Приготовление пищи, производство орудий и других вещей, обработка продуктов, судя по имеющимся свидетельствам, осуществлялись не в жилищах, а на специальных участках поселения.

4. Единая конструкция из одной или двух пар колонн, стены или перемычки, связывавшей колонны, и нескольких камней внутри построек в Гермес Дере и Немрик IX – это наиболее очевидное проявление наполнения дома символическим содержанием. В частности, в каждом углубленном в землю овального плана строении, исследованном на Гермес Дере, перпендикулярно оси симметрии помещения в центральной части находилась одна или две пары колонн с лепными вершинами (рис. 1). Их основами служили известняковые плиты, углубленные в пол и покрытые глиняной штукатуркой. В нескольких случаях колонны ремонтировались и даже переносились в другое место, однако место древнейшей пары при этом специально отмечали на новом отштукатуренном полу. Колонны одной пары соединяла низкая перемычка из глины. Иногда перед этими конструкциями вкапывались камни или располагались иные объекты. Т. Ваткинс подчеркивает, что колонны не являлись несущими⁴, как они были ранее определены К. Козловски и А. Кемписти для строений Немрик IX, где высота наиболее хорошо сохранившегося объекта достигала всего 120 см⁵. Зафиксированная первоначальная высота некоторых стел в постройках Гермес Дере была более метра, в то время как другие не достигали даже полуметровой высоты. Присутствие в домах Гермес Дере колонн с лепными вершинами, вполне вероятно передающих антропоморфные формы, имело другой смысл – символический, конкретное содержание которого пока не определено⁶. Можно лишь предполагать, что они обозначали семейную пару родителей или прародителей живших в этих постройках людей.

⁴ Watkins. The Beginning... P. 68.

⁵ Kozłowski, Kempisty. Architecture... P. 359.

⁶ Watkins. The Origins... Fig. 4; *idem*. The Beginning... P. 68.

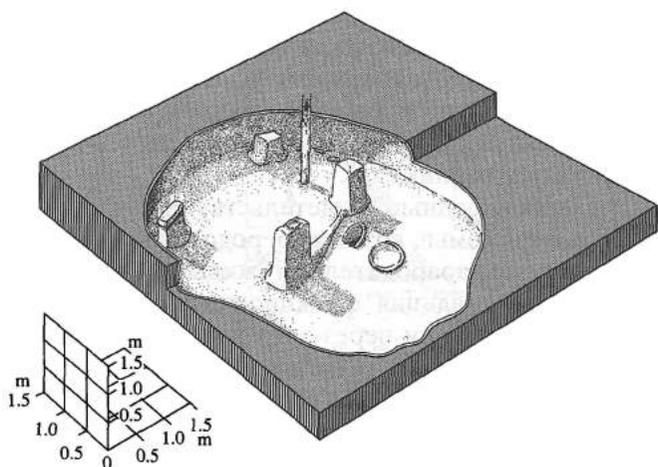


Рис. 1. Гермез Дерё. Углубленная в землю постройка RAD из района R. Имеет две пары глиняных колонн, покрытых штукатуркой. Одна пара была высотой более 1 м, тогда как вторая – намного меньше. Небольшая перемычка соединяет пару высоких колонн. Рядом с ними на оси симметрии помещения обнаружено два круглоплоских глиняных объекта непонятного назначения (по: *Watkins. The Beginning ... Fig. 3*)

В Немрик IX сооружение подобных структур за длительную историю существования этого ранненеолитического поселения претерпело заметную эволюцию. Впервые колонны появляются в «средней фазе», датируемой серединой VIII тыс. до н.э. На этом этапе они представляли собой две пары деревянных столбов, как правило, углубленные основаниями в пол и установленные на значительном расстоянии друг от друга. Основания столбов укреплялись камнями. На позднейшей стадии функционирования поселения (конец VIII – первая половина VII тыс. до н.э.) пары деревянных столбов постепенно заменяются парами массивных и прямоугольных в срезе (1.2 × 0.7 м) колонн. Внутренняя структура колонн состояла из последовательно уложенных слоев (толщина слоя – 20 см) и скрепленных между собой с применением воды блоков. Очень прочный материал (marl), из которого были сделаны блоки, по замечанию авторов раскопок, во многих отношениях напоминает современный бетон. Строгая правильная форма столбов и особенно их точное вертикальное положение предполагает, по мнению К. Козловски и А. Кемписти, что при их сооружении была использована какая-то «форма». На одной из колонн были отпечатки плетения, возможно, являющиеся следами именно такой «формы». Столбы были покрыты штукатуркой, такой же, как и внутренние стены построек. Отмечено, что в некоторых домах «поздней стадии» функционирования Немрик IX поверхность колонн, пола и стен сохранила следы цветной штукатурки – черной, красной и желтой⁷.

Трудно понять, жилища ли перед нами или религиозные строения, в качестве которых такие дома были интерпретированы в первых публикациях материалов Гермез Дерё. Раскопки последнего сезона (1990 г.) показали наличие других построек такого же типа. Это был единственный вид сооружений, открытый в раскопанной части поселения. Соответственно данные строения сейчас признаны обычным типом домов на Гермез Дерё. Тем не менее о неких культовых функциях этих конструкций свидетельствует и зафиксированный

⁷ *Kozlowski, Kempisty. Architecture... P. 357–359.*

на поселении обычно помещения отделенных от скелета черепов внутрь указанных построек до того, как их покидали⁸. В Немрик IX под полами рассматриваемых домов неоднократно обнаруживали погребения, ямы которых не были засыпаны землей, а закрывались сверху плоскими камнями. Вероятно, такая конструкция должна была способствовать сохранению связей между живыми и умершими родственниками⁹.

В сумме представленные данные свидетельствуют о культовом восприятии дома в ту эпоху как центра семьи, возможно, родового святилища, места, близко связанного с родителями (прародителями) живших там людей. Претерпевая значительные изменения, традиция функционирования домашних святилищ была продолжена в Месопотамии через века и тысячелетия. Например, о существовании домашних культовых помещений свидетельствуют древнейшие письменные источники Месопотамии, в том числе относящиеся к началу II тыс. до н.э. из Ура. В таких помещениях отправляли обряды в честь предков и семейных богов-покровителей¹⁰.

Постепенно, с установлением преобладания территориального принципа социальной организации над кровнородственным, представления о сакральном центре мироздания переносятся из родовых домов-святилищ на общественные сооружения религиозного назначения – «жилища божеств», места обитания сверхъестественных покровителей общин и освоенных ими территорий.

Спасательные работы на Халлан Чеми 1991–1995 гг., осуществленные перед открытием Батманской дамбы (Юго-Восточная Турция) совместно Делаверским университетом (США) и Диярбакырским музеем (Турция), представили информацию, проливающую свет на древнейший этап истории сооружения особых построек общественного назначения на территории Верхнего Двуречья.

Памятник находится в холмистых предгорьях Восточного Тавра на высоте 640 м над уровнем моря, в 50 км севернее от современного г. Батман, на западном берегу ручья Сасон, являющегося притоком Батман Чаия, который, в свою очередь, впадает в Тигр. Высота телля около 4.3 м. Докерамическое поселение занимало площадь не менее 0.5 га. По крайней мере четыре ранне-неолитических строительных горизонта составляют культурный слой памятника, однако архитектурные остатки только трех верхних были в значительной степени затронуты исследованиями (рис. 2). Комплекс материальных свидетельств, а также серия радиоуглеродных датировок указывают, что поселение Халлан Чеми относится к периоду раннего PPNA, а именно к последним столетиям IX тыс. до н.э. Это одно из древнейших, известных на сегодняшний день, оседлых поселений Северной Месопотамии. Его развитие предшествовало появлению жизни на Гермес Дере и Немрик IX. Обитатели Халлан Чеми еще не освоили земледелия и сильно зависели от охоты и собирательства. Определено, однако, что они уже проводили первые эксперименты с одомашниванием животных, в частности свиней¹¹.

⁸ Watkins. *The Beginning...* P. 68.

⁹ Kozłowski, *Kempisty. Architecture...* P. 360.

¹⁰ История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983. С. 149; Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990. С. 112, 225.

¹¹ Gates M.-H. *Archaeology in Turkey* // *AJA*. 1996. 100/2. P. 282–283; Rosenberg M., Nesbitt R., Redding R.W., Peasnell B.L. (далее – Rosenberg et al.). *Hallan Cemi, Pig Husbandry, and Post-pleistocene Adaptations along the Taurus-Zagros Arc (Turkey)* // *Paleorient*. 1998. 24/1. P. 25–41; Rosenberg M. *Hallan Cemi* // *Neolithic in Turkey*. Istanbul, 1999. P. 25–26, 30–32.

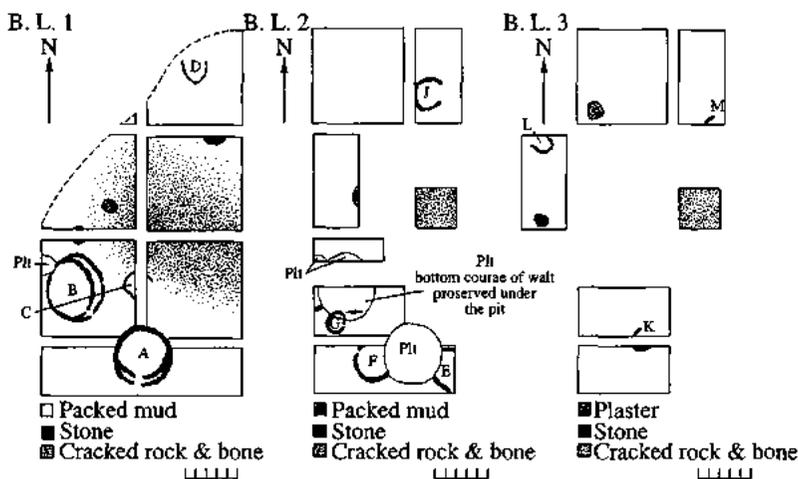


Рис. 2. Халлан Чеми. План раскопа. Строительные горизонты (B.L.) 1, 2, 3 (по: Rosenberg. Hallan Cemi. Fig. 2)

О социальной организации общины в какой-то мере свидетельствует план поселения, дающий представление о различных структурах и особенностях их расположения. Так, центром поселка на протяжении всех исследованных периодов была открытая площадь (d – 15 м). Ее поверхность представляла крайне насыщенную концентрацию костей животных и потрескавшихся от огня речных галек/булыжников. Скопления остеологических останков на данном участке сохранили хорошо фиксируемые формы больших частей скелетов животных. Кроме того, здесь лежали три рогатых черепа баранов. Такая последовательность и значительное количество выявленных остеологических свидетельств, как и само существование центральной площади на протяжении жизни нескольких поколений людей, отражает внешнюю символическую сторону совершавшихся здесь действий. По мнению авторов раскопок, данная территория служила местом для проведения общих собраний жителей поселка, их совместных ритуальных трапез, что, очевидно, играло важную роль в сплочении коллектива общинников¹².

Исторические, этнографические и культурологические исследования показывают, что приготовление пищи и совместная трапеза, являясь одним из наиболее устойчивых элементов общественного праздника, с древнейших времен имели ритуально-магическое значение жертвы и символизировали единство коллектива, рассматриваясь как акт общения людей с их предками, богами и окружающим миром. С этой целью такие действия осуществлялись и на ранних сельскохозяйственных поселениях. Например, по поверьям славян, кости съеденного на общем пире животного обладали магической силой, их зарывали в землю, чтобы в доме не переводился скот¹³. В самой Месопотамии уже в историческое время в Шумере коллективными трапезами завершались различные предприятия, носившие в известной мере обрядовый характер. Так, народные собрания и заседания совета сопровождалось угощением. Важную роль играло угощение и при заключении различных сделок¹⁴. «Любопыт-

¹² Rosenberg. Hallan Cemi. P. 26, 28.

¹³ Русанова И.П., Тимоцук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993. С. 62, 65, 74.

¹⁴ Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 76–77.

но, что по-шумерски слово *unken* “собрание” передается иероглифом сосуда. Вероятно, пир был обязательной частью собрания»¹⁵.

Среди строительных объектов, исследованных на Халлан Чеми, которые свободно располагались вокруг площади, определены три основных типа сооружений. Первый из них составляют многочисленные низкие круглые каменные платформы (диаметр – ок. 2 м; отмеченная высота – 10–40 см), сохранившие следы грязевой штукатурки, а также некие покрытые толстым слоем гипса участки с нерегулярными размерами и планировкой, в нескольких случаях примыкавшие к каменным структурам. Предполагается, что и те, и другие конструкции представляют остатки сооружений, служивших хозяйственным целям.

В следующую группу объектов выделены низкие гипсовые площадки, обычно округлой формы, достигающие в диаметре от 50 до 70 см. Во всех трех исследованных горизонтах внутри и рядом с этими сооружениями были найдены маленькие каменные скульптуры. Во многих случаях гипсовые площадки несут следы огня и повреждений. Авторами раскопок они интерпретируются предположительно как очаги¹⁶. Однако, судя по имеющейся информации, данные структуры выполняли не только (а может быть, не столько) утилитарные функции. Они могли являться и местами для совершения особого рода обрядовых действий, на что указывают находки рядом с ними каменных статуэток, а также следы огня и их намеренного повреждения.

Наконец, свидетельства круглопланового домостроительства достаточно выразительно представлены в исследованных уровнях Халлан Чеми. В древнейшем из раскопанных горизонтов (слой 3) все обнаруженные постройки подобного типа – относительно простые в исполнении и, вероятно, жилые по характеру. Они возводились прямо на поверхности земли и имели основания S-образной (по ранним публикациям, U-образной) формы. Размеры диаметра – 2 м. Стены построек сооружали из речных галек/булыжников, скрепленных гипсовым раствором.

Для второго строительного горизонта отмечается несколько архитектурных новшеств. Из пяти открытых здесь домов четыре были полностью раскопаны. Все они снова стояли на поверхности со стенами, сложенными на манер стен построек из слоя 3. Однако полы трех из четырех исследованных строений были покрыты приблизительно одинаковыми по форме и по размеру плитами песчаника. Пол четвертого сооружения не нес следов вымостки. Самая большая из построек (диаметр – 4 м) с выложенным плитами полом отличалась от остальных тем, что в центре имела маленький гипсовый бассейн. Как-либо других свидетельств, подтверждающих, что эта неординарная постройка служила особым целям, получено не было.

Исследования верхнего слоя 1 позволяют судить о функционировании двух строений, по своему назначению не жилых, а выполнявших, очевидно, общественные функции. Всего в этом горизонте были полностью раскопаны четыре здания. Все постройки отличаются от более ранних тем, что сооружались из известняковых плит, а не из речных камней. Два строения 1-го уровня – относительно небольшие наземные структуры (диаметр – 2.5 м), S/U-образные в плане и похожие на дома из 2-го и 3-го слоев. Анализируя имеющиеся свидетельства относительно этих помещений, авторы раскопок идентифицируют

¹⁵ Ibid. С. 138.

¹⁶ Rosenberg. Hallan Cemi. P. 26–27.

их как жилища. В отличие от данных построек, две другие значительно крупнее, с диаметром 5–6 м. М. Розенберг замечает, что такие параметры соответствуют размерам помещений общественных зданий, открытых на других раннеолитических памятниках Юго-Западной Азии¹⁷.

Большие строения из 1-го слоя Халлан Чеми были специально углублены в землю и полностью круглы в плане. С двух сторон их входы оформлены двойными «расходящимися как щипцы» стенами, создающими своеобразный «вестибюль». Внутри зданий выявлены каменные скамьи, примыкающие полукругом к стенам сооружений. На полах обнаружены круглые, выделенные штукатуркой очажные места. Кроме того, полы демонстрируют остатки многочисленных покрытий из смеси желтого песка и раствора штукатурки, которые располагались над относительно стерильным культурным слоем. Одно из рассматриваемых зданий содержало полностью сохранившийся череп зубра, укрепленный первоначально, судя по месту обнаружения, на северной стене как раз напротив входа. Символизировал ли данный объект группу общинников, использовавших эту постройку, или имел более сложное ритуальное значение, остается пока неясным¹⁸.

Помимо очажных мест в этих конструкциях не было обнаружено каких-либо свидетельств проживания людей, тогда как привозные высоко ценимые материалы – обсидиан и медная руда, а также следы их обработки строго локализованы в районе больших помещений из 1-го слоя Халлан Чеми. Исследователи памятника констатируют, что нахождение здесь импортных материалов, с одной стороны, подтверждает существование системы обмена товарами на большие расстояния даже для столь ранней эпохи, а с другой стороны, показывает, что значительные по размерам, углубленные в землю, неординарного плана строения Халлан Чеми были каким-то образом связаны с этой торговлей. Вероятно, они играли особую роль в установлении и поддержке межпоселенческих контактов¹⁹. Такие связи могли укрепляться при помощи реципрокного дарообмена, о значении которого в архаичных обществах хорошо известно. Альтернативной вероятностью, как нам кажется, является функционирование неординарных общественных строений, открытых в 1-м горизонте Халлан Чеми как производственных центров на поселении и/или мест для хранения/распределения привозимых источников сырья.

Помещение наиболее значимых для хозяйства общины видов деятельности в сакральное пространство характерно для древних сообществ. Вместе с тем переход к оседлой жизни и производящему хозяйству требовал развития новых социальных институтов как для разрешения конфликтов внутри новых постоянных коллективов, так и для поддержания межобщинных региональных связей. Существование данных институтов подтверждается рядом свидетельств, в том числе остатками общественных построек – важнейшего материального элемента сложноорганизованных социальных структур, возникающих с появлением первых долговременных поселений, основанных на сельскохозяйственной экономике. О регулировании общественной жизни косвенно судят по различным категориям находок, обнаруженных в Халлан Че-

¹⁷ Ibid.; подробнее см. Byrd B.F. Public and Private, Domestic and Corporate: The Emergence of the Southwest Asian Village // AA. 1994. 59/4. P. 639–666.

¹⁸ Rosenberg M. Some Further Observations Concerning Material Culture // Anatolica. 1994. 20. P. 121–140. Fig. 10; idem. Hallan Cemi. P. 27; Gates. Archaeology... 100/2. P. 283.

¹⁹ Rosenberg. Hallan Cemi. P. 27.

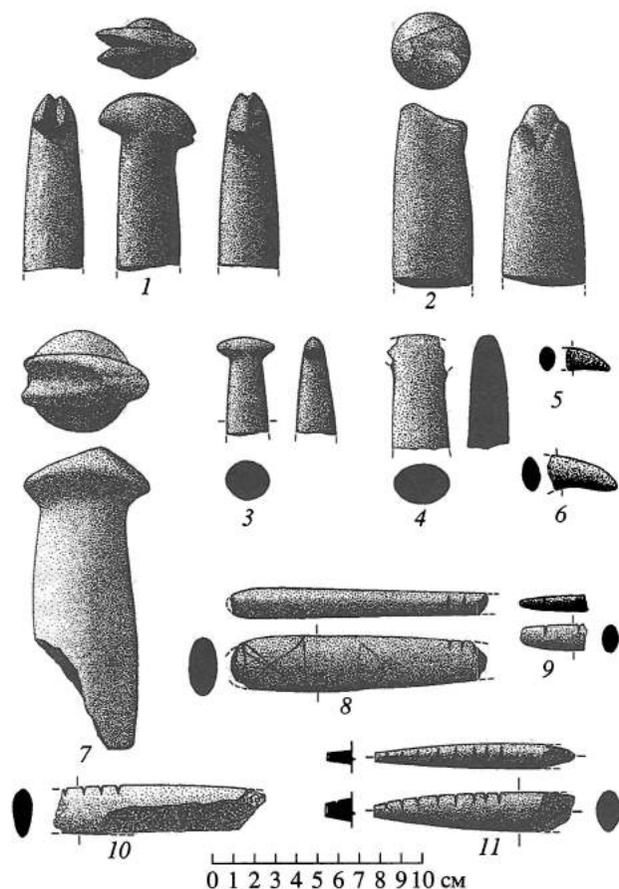


Рис. 3. Халлан Чеми. 1–7 – скульптурные пестики; 8–11 – палочки «с насечками» (по: Rosenberg. Hallan Çemi. Fig. 4)

ми. К сожалению, в доступных публикациях об исследовании этого памятника нет ясных указаний на места обнаружения данных объектов.

В качестве первой группы находок отметим остатки множества искусно выполненных каменных чаш, которые хорошо известны и по другим энеолитическим и раннеолитическим памятникам Тавро-Загросской дуги. Чаши Халлан Чеми, как правило, сделаны из серого/зелено-черного камня (chloritic) или из белого известняка. Их обнаруженные фрагменты часто украшены прекрасной тонкой резьбой, похожей на рельеф с геометрическими и натуралистическими изображениями.

Помимо ординарных каменных пестиков известна также серия скульптурных изделий данной группы. Рукоятки скульптурных пестиков были сделаны в виде различных натуралистических форм с разной степенью стилизации. Узнаваемые мотивы включают фаллические образы, букрании, рогатые головы козлов (рис. 3, 1–7). Такая символика близко сопоставима с выявленной на центральной площади Халлан Чеми группой уложенных в ряд трех рогатых черепов баранов, с черепом зубра, первоначально украшавшим северную часть стены одной из двух неординарных построек, а также с результатами исследований остеологических материалов, собранных на памятнике. И если ос-

танки зубра (кроме отмеченного черепа) не были представлены в выборке, проанализированной к моменту публикации данных, то останки коз/овец составили самую большую часть фаунистической коллекции – 42% от всех останков млекопитающих. Причем этот процент, в отличие от изменяющихся показателей по другим видам фауны, был относительно постоянным для трех исследованных уровней поселения²⁰. Наблюдаемая связь между символически выделенными объектами и наиболее часто употребляемыми в пищу видами животных представляется закономерной. Культ самца дикого рогатого животного (барана/козла/зубра), нашедший отражение в различных группах находок Халлан Чеми, – одно из ранних проявлений так называемого «культы быка», получившего наравне с поклонением женским божествам широкое распространение на всем Ближнем Востоке в период неолита²¹.

По размеру, декору, материалу, технике и стилю исполнения скульптурные пестики соотносятся с группой каменных чаш. Указанные объекты, судя по всему, были созданы для использования вместе. Исследователи памятника полагают, что выразительно оформленные чаши и пестики использовались на общественных собраниях/праздничных трапезах, проходивших на центральной площади. Они применялись для церемониального приготовления и потребления пищи, что составляло важную часть какого-то коллективного культового действия²².

Другая категория артефактов из Халлан Чеми представлена группой просверленных по вертикали камней, которые идентифицируются археологами в качестве наконечников булавы. Все экземпляры этих объектов сделаны из того же материала, что и каменные чаши. Они различны по форме, в нескольких случаях с отбитыми краями (в форме батарейки), хорошо отполированы и иногда украшены. Их присутствие указывает на значение, придававшееся украшению оружия, что, возможно, связано с существованием неких властных структур.

Развитие институтов учета и контроля зафиксировано в материалах Халлан Чеми замечательной категорией каменных артефактов, получивших название «палочек с насечками» (*notched batons*). «Палочки» сделаны из относительно мягкого слюдяного серого камня, вероятно, аспидного сланца. По форме, которая восстановлена при реконструкции найденных фрагментов, сигарообразные «палочки», суживающиеся к одному из концов, состоят как бы из двух выпуклых и соединяющихся секций. Линия соединения имеет максимальную высоту 3 см, ширина среза не более 1.5 см, длина всего объекта не менее 15 см. С одной или с двух сторон на суживающихся концах «палочек» видны несколько отчетливых меток. На обнаруженных 35 фрагментах сохранились от одной до восьми аккуратно сделанных насечек. Некоторые экземпляры на более толстом конце (рукоятке) были украшены геометрическим орнаментом в виде песочных часов, возможно, схематично передающим фигуру человека (рис. 3, 8–11).

Нет оснований считать, что насечки являются какими-то случайными повреждениями или следами износа. Наоборот, повторяемость объектов рассматриваемой категории, тщательность исполнения указывают на то, что насечки вырезались на камне специально, вероятно, с целью формального учета

²⁰ Rosenberg et al. Hallan Cemi. P. 32.

²¹ Подробнее см. Cauvin J. Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La révolution des symboles au Néolithique. P., 1994.

²² Rosenberg. Hallan Cemi. P. 28; см. аналогии: Антонова. Обряды... С. 254. Прим. 4.

чего-либо. Если это так, то каждая «палочка» была счетной и, возможно, имела значимость при регистрации каких-то ценных долговечных объектов. В мобильных эгалитарных общинах охотников-собирателей, предшествовавших развитию неолитических оседлых деревень, отдельные действия, как правило, формально не регистрировались. Существование же подобных «палочкам с насечками» единиц счета отражает происходивший переход от строгого эгалитаризма к более сложной форме социально-политической организации, основанной, по крайней мере отчасти, на формальном учете²³.

Материальные свидетельства Халлан Чеми (костяная и каменная индустрия) находят близкие аналогии с Зарзианской группой памятников эпилеолитической эпохи, локализованной в Мосульском регионе Северного Ирака и прежде всего с Зави Чеми. Это сходство подтверждает местный генезис комплекса Халлан Чеми PPNA периода в Северном Двуречье. С другой стороны, проявляются определенные параллели с одновременными и более поздними поселениями южных предгорий Тавро-Загросской группы. В частности, явное сходство имеют скульптурные пестики и наконечники из Халлан Чеми с каменными объектами из Немрика IX и Чейеню, где, как и в Гебекли-тепе²⁴, встречены украшенные каменные чаши вышеописанного типа. Связь между Халлан Чеми и более поздними докерамическими памятниками эпохи PPNB ярко проявилась в свидетельствах, полученных недавно из зондажей Демиркоу-Хуюка (Юго-Восточная Турция, верховья Тигра). Демиркоу, современный поселениям Гермез Дерэ и Немрик IX, расположен в 40 км южнее от Халлан Чеми. Демиркоу датируется, пока только на основании материальных данных (без проведения радиоуглеродных анализов), хронологическим промежутком от времени прекращения поселения на Халлан Чеми до заселения Чейеню и соответственно является связующим звеном между данными культурными комплексами²⁵.

Все вышеприведенные материалы показывают довольно высокий уровень социальной организации обитателей Халлан Чеми в эпоху раннего докерамического неолита А, что еще раз подтверждает вероятность функционирования общественных зданий на данном поселении. Весьма интересен тот факт, что большие углубленные в землю постройки не только заметно отличаются от других домов, открытых на памятнике, но по некоторым своим характеристикам превосходят строительство культовых сооружений Северной Месопотамии переходного периода PPNA/PPNB и собственно PPNB²⁶. Так, в отличие от жилых домов полы общественных зданий I-го слоя Халлан Чеми были специально занижены; они несут следы особого оформления; планировка строений экстраординарная; к стенам помещений примыкает каменная скамья; остатки ценных привозных материалов – обсидиана и медной руды – сконцентрированы исключительно в районе нахождения этих домов; наконец, в одной из построек обнаружен череп зубра, украшавший первоначально противоположную от входа стену. Последняя находка соответствует другим вы-

²³ Rosenberg. Hallan Cemi. P. 28–29.

²⁴ Gates M.-H. Archaeology in Turkey // AJA. 1997. 101/2. P. 246.

²⁵ Rosenberg. Hallan Cemi. P. 29–30.

²⁶ Schirmer W. Drei Bauten des Cayonu Tepesi // Festschrift für Kurt Bittel. Mainz, 1983. S. 473–475; Hauptmann H. Ein Kultgebäude in Nevalı Cori // Between the Rivers and over the Mountains. Roma, 1993. P. 37–69; Schmidt K. Frühneolithische Tempel. B., 1998. S. 22–23; Корниенко Т.В. «Храмы» Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // ВДИ. 2002. № 2.

явленным на памятнике свидетельствам культа и подтверждает особый характер сооружения, наглядно защищенного присутствием знака высших сил.

Весьма информативными для прояснения интересующей нас проблемы стали материалы эпохи PPNA Северного Леванта, которые были получены недавно в результате проведения охранных раскопок перед строительством системы плотин на Верхнем Евфрате (территория современной Сирии). Данные поселения по ряду показателей выделяются в региональную группу периода PPNA и известны как северолевантийские или мурейбитские памятники. Последнее название связано с одноименным поселением Мурейбит, которое впервые дало археологам достаточно полную картину о времени PPNA в регионе. Памятник, открытый М. Ван Луном в ходе спасательных работ, связанных со строительством плотины Табка, исследовался этим ученым в 1964–1965 гг. В 1971–1974 гг. раскопки были продолжены экспедицией под руководством Ж. Ковена. А в 1976 г. месторасположение Мурейбита было затоплено. В стратиграфическом плане этот тельль предоставил действительно исключительной важности материал, отображающий непрерывность его заселения с натуфийских времен до среднего PPNB. Тельль Мурейбит поочередно пережил натуф (уровень IA), хиаамскую эпоху (уровень IB и II), этап PPNA (уровень III), наконец, PPNB древний (уровень IVA) и PPNB средний (уровень IVB). Именно материалы III уровня позволили Ж. Ковену выделить стадию Мурейбит в развитии Северного Леванта. Остатки поселения данного периода были исследованы на площади 150 м². Архитектурные данные зафиксировали переход от круглоплановых домов к прямоугольным и начало сооружения террас на поселении²⁷.

О функционировании построек общественного назначения эпохи PPNA в Северном Леванте наиболее выразительные свидетельства получены в ходе спасательных раскопок на Жерф эль-Ахмаре, которые проводились в связи со строительством Тихринской плотины. Памятник открыт в 1988 г. Т. Мак-Клилленом, ставшим первым его исследователем. С 1995 г. тельль раскапывался совместно французскими и сирийскими археологами вплоть до 1999 г., когда водохранилище затопило место его нахождения.

Жерф эль-Ахмар был расположен на левом берегу сирийского Евфрата, в 60 км к югу от турецкой границы и в 40 км севернее Мурейбита. Памятник включал два холма. Общая площадь вскрытой поверхности составила 1500 м², что позволило получить определенное представление о структуре обитаемого пространства. Все последовательно существовавшие уровни заселения отнесены исследователями к периоду PPNA, последний характеризуется как переходный к этапу PPNB.

В Восточном холме Жерф эль-Ахмара авторы раскопок выделили девять уровней обитания (от VII/E до I/E). Самые ранние из них (VII–IV/E) характеризуются круглоплановыми не подразделенными на секции конструкциями. Важные архитектурные инновации появляются в V уровне, когда внутреннее пространство домов начинает разделяться прямолинейными стенами. Внешние стены также в ряде случаев прямые, но углы, которые их соединяют, остаются округлыми. Впервые прямоугольные углы, соединяющие как основные, так и внутренние стены построек, появляются в слое II/E. Прямоугольная планировка позволила упорядочить соединение отдельных домов при

²⁷ *Cauvin J. Les fouilles de Mureybet (1971–1974) et leur signification pour les origines de la sédentarisation au Proche-Orient // AASOR. 1977. 44. P. 19–48.*

помощи стенок поддержки террас и в целом структурировать поселенческое пространство. С уровня 0/Е строятся уже, очевидно, прямоугольные дома. Параллельно с архитектурными инновациями наблюдаются изменения и по другим категориям объектов, включая каменную индустрию, что подтверждает переходный характер слоя.

При исследовании Западного холма Жерф эль-Ахмара было выявлено шесть строительных горизонтов. Данные трех древнейших уровней (VI–IV/W) получены из единичных шурфов. Соответственно проследить особенности эволюции архитектуры здесь не удалось. Позднейшие слои памятника исследованы более широко. Уровни III–II относятся к позднему PPNA, а свидетельства последнего горизонта подтверждают его принадлежность к переходной фазе PPNA/PPNB. Отмечалось, что прямого соответствия между раскопанными участками Восточного и Западного холмов установить не удалось, так как строительных остатков в промежуточной зоне обнаружено не было²⁸.

Материалы Жерф эль-Ахмара, свидетельствующие о функционировании построек общественного назначения на территории Месопотамии в эпоху докерамического неолита А, нашли довольно подробное отражение в предварительных отчетах и серии специальных публикаций²⁹. В одной из последних работ при рассмотрении североревантийских памятников Д. Стордэр со своими коллегами выделяет два типа общественных зданий эпохи PPNA. Древнейший тип по времени относится к расцвету PPNA и представлен круглоплановыми многофункциональными сооружениями, имеющими внутренние перегородки. Для телья Муребит выразительным примером такого строения является дом 47. В Жерф эль-Ахмаре речь идет о постройках EA 30 (уровень III и II/W) и EA 7 (уровень I/E). Сооружения второго типа известны по материалам переходной фазы PPNA/PPNB Жерф эль-Ахмара – это строения EA 53 (уровень I/E) и EA 100 (неидентифицированный уровень/ W). Они представляют собой круглоплановые однокомнатные постройки, которые содержали примыкавшую к стене (на всем ее протяжении) широкую украшенную рельефом скамью – один из важных признаков, указывающих на их вероятное использование в качестве мест для общественных собраний. Следует отметить, что все названные сооружения после длительного периода их функционирования были умышленно подвергнуты разрушительному действию огня.

Из построек первого типа наиболее хорошо сохранившимся образцом является строение EA 30 (Жерф эль-Ахмар). Исключительно хорошему состоянию объекта мы обязаны главным образом пожару, который разрушил его за очень короткий срок. На плане и фотографии раскопанного участка уровня II/W Жерф эль-Ахмара можно заметить явное отличие EA 30 от остатков других построек на поселении (рис. 4). Оно проявляется не только в размерах общественного сооружения, основательности его строения, но и в особенностях планировки, сильно заниженном состоянии уровня пола.

Овальное (почти круглое) в плане сооружение EA 30 (уровень II/W) построено на месте более древнего строения (уровень III/W) и, судя по всему,

²⁸ Stordeur D., Brenet M., *Der Aprahamian G., Roux J.-C.* (далее – Stordeur et al.). Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syrie) // *Paleorient*. 2001. 26/1. P. 29–31.

²⁹ Stordeur D. avec la participation de Marguèron T. Espace naturel, espace construit à Jerf el Ahmar sur l'Euphrate // *Espace naturel, espace habité en Syrie du Nord* (10–2 mill. av. J.-C.). Toronto, 1998. P. 93–108; Stordeur D. Organisation de l'espace construit et organization sociale dans le Néolithique de Jerf el Ahmar (Syrie, X–IX mill. av. J.-C.) // *Habitat et Société*. XIXe Rencontre Internationale d'Archéologie d'Antibes. Antibes, 1999. P. 131–149; Stordeur et al. Les bâtiments... P. 29–44.

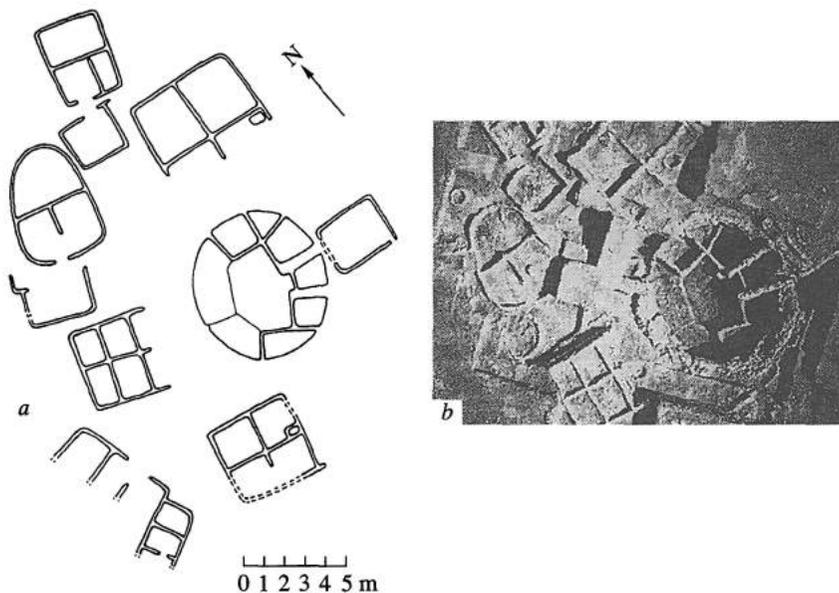


Рис. 4. Жерф эль-Ахмар. Уровень II/W со строением ЕА 30: а – план раскопа; б – фотография с воздуха (по: Stordeur et al. Les bâtiments... Fig. 12)

полностью его повторяет. Здание было заглублено в землю на 2 м. У стен котлована сохранились остатки внешней стены предшествовавшего сооружения (рис. 5с). К ним примыкала новая, выложенная из обработанных «сигарообразных» известняковых камней стена, укрепленная по всему радиусу пятнадцатью вертикально стоящими на неодинаковом расстоянии друг от друга деревянными (из тополя) столбами. Средний размер «сигарообразных» камней постоянно уменьшается снизу вверх. Все внутренние конструкции здания также построены с использованием «сигарообразных» кирпичей различных размеров и форм в зависимости от их функционального предназначения и месторасположения. Скрепление крупных элементов постройки, как и обработанных камней в кладке стен, их последующее покрытие слоем штукатурки осуществлялось за счет лимана, набранного у берегов Евфрата, смешанного с легкой шелухой злаков. Перед созданием пола вся поверхность была засыпана мелкими подобранными по размеру камушками (галькой) местного происхождения. На таким образом предварительно подготовленный настил, так же как и на стены, перегородки, скамью/платформу и другие внутренние конструкции был нанесен тонкий слой покрытия из лимана и злаковой шелухи. В отдельных ячейках постройки (№ 2, 3, 7) пол нес следы двух- и трехразовой переделки посредством нанесения новых слоев гальки и глинистого раствора. Это говорит об их довольно частом посещении. Крыша, судя по сохранившимся остаткам, состояла из многочисленных деревянных элементов, которые опирались на внешнюю и внутренние несущие стены строения (рис. 5d). Доступ в структуру мог осуществляться при помощи переносной лестницы либо через отверстие в центре крыши, либо через проем, находящийся на краю здания, в участке внешней стены, который продолжался над землей. Внутренний диаметр сужавшейся кверху постройки у основания до-

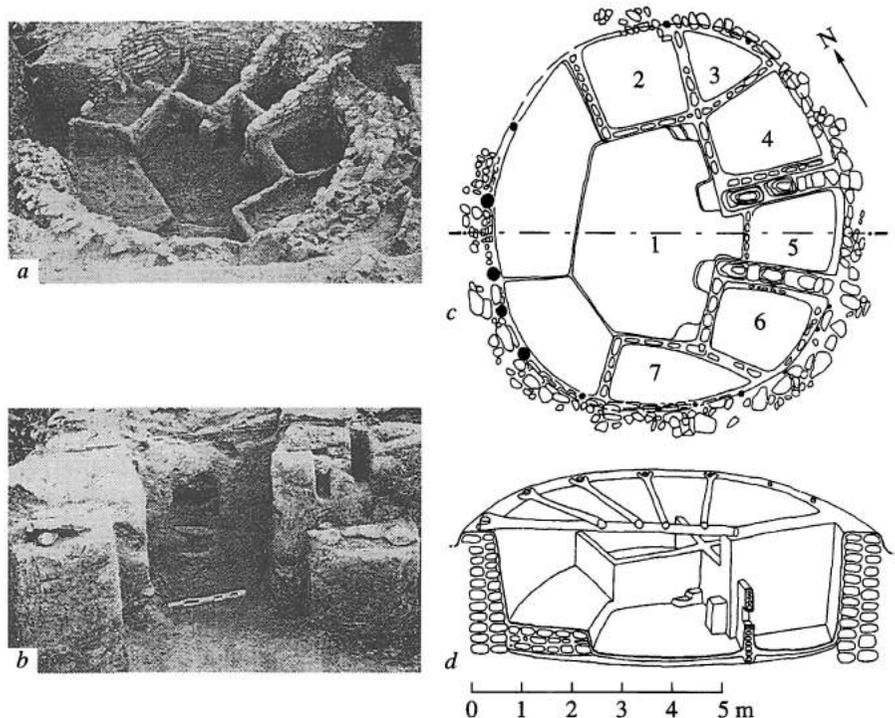


Рис. 5. Жерф эль-Ахмар. ЕА 30: а – фотография, общий вид сооружения; б – фотография восточной части здания; с – план постройки; д – реконструкция в разрезе с предполагаемой крышей (по: *Stordeur et al. Les bâtiments... Fig. 4–5*)

стигал 7.40 м. На уровне земли он составил 6.80 м. Внешняя стена продолжалась далее над почвой и ее окончательная высота – 2.60 м.

Восточная половина здания разделена на шесть маленьких помещений двумя мощными несущими стенами и несколькими внутренними перегородками (высота от 0.90 до 1.35 м), лучеобразно расходящимися от центрального участка. К противоположной западной стене примыкала широкая скамья/платформа (ширина – 1.5 м), разделенная на две части разной высоты – 0.35 и 0.50 м. Вместе эти восемь периферийных подразделений ограничивали в центре большое многоугольное пространство, составляя своеобразную геометрическую фигуру, отличающуюся осевой симметрией (рис. 5с). Входов из центрального помещения в периферийные не было. Сообщение осуществлялось путем перешагивания над перегородками благодаря ступенькам (одной простой, высота – 0.40 м; другой двойной, высота – 0.60 м), которые располагались в двух углах на равном расстоянии от оси симметрии здания. Прямоугольный проем (0.25 × 0.30 м) вел в ячейку № 5, находящуюся на оси симметрии (рис. 5а–д). Он был слишком мал, чтобы позволить пройти человеку, но достаточно широк, чтобы, например, протянув через него руку, взять или положить нужные вещи. В отличие от остальных помещений пол в комнате № 5 не реконструировался, а перед нанесением слоя обмазки несколько небольших известняковых камней было специально положено на настил из гальки.

Интересно, что впереди обеих несущих стен в центральном помещении находились два четырехугольных в срезе блока (высота – 0.60 и 0.80 м). Они со-

стояли из «сигарообразных» скрепленных раствором камней и были покрыты штукатуркой. Авторы раскопок не могут дать какого-либо объяснения этим структурам, замечая, однако, что их высота и расположение в продолжение стен не позволяют считать их ступеньками³⁰. Между тем рассмотренные выше материалы Гермес Дерэ, Нимрик IX, а также культовых строений эпохи PPNB Северной Месопотамии и сопредельных территорий дают более определенную информацию о подобных объектах, свидетельствуя о возможном использовании их в символических целях³¹. В ЕА 30 само местонахождение данных структур является весьма показательным. Нет сомнений, что эти блоки конструктивно и семантически связаны с имеющей форму правильной трапеции, центральной в ряду помещений, расположенной на оси симметрии комнаты № 5. Она находилась прямо напротив скамьи и была сделана немного в глубине по отношению к другим помещениям. Наличие рассматриваемых структур усиливает такое впечатление. Кроме того, с двух сторон комнату № 5 в отличие от других ячеек окаймляли две подчеркнута мощные несущие стены, а спереди ограничивала наиболее высокая (судя по фотографии) перегородка – единственная с прямоугольным отверстием. Данные архитектурные характеристики, как и вышеотмеченные особенности пола, явно выделяют комнату № 5 наравне с центральным пространством из остальных помещений ЕА 30, четко структурированная архитектура которого, очевидно, несла определенную семантическую нагрузку.

Обратимся теперь к сопутствующим свидетельствам сооружения ЕА 30 и рассмотрим его данные в сопоставлении с материалами других общественных построек того же типа (ЕА 7 Жерф эль-Ахмара и дома 47 Мурейбита). Точное сходство этих строений, как справедливо замечает Д. Стордэр, удивительно, учитывая расстояние в 40 км, которое отделяет Мурейбит от Жерф эль-Ахмара³². Некоторая разница наблюдается в размерах и пропорциях использованных при возведении построек материалов. Так, в Мурейбите доминирующим строительным материалом являлось дерево (тополь), а в Жерф эль-Ахмаре – известняк. Размеры дома 47 несколько уступают ЕА 30. Вместе с тем все общественные здания рассматриваемого типа были полностью углублены в землю и имеют схожие планы (рис. 6), что отличает их от обычных построек соответствующих уровней поселений. Что касается частных различий в деталях конструкций, то, например, внутренние перегородки дома 47 на Мурейбите, высота которых не превышала 0.60 м, ниже, чем подобные стены в сооружениях Жерф эль-Ахмара. В связи с этим в доме 47 имелся только один порожек (в месте соединения углов ячеек «f», «g», «h»), помогавший перешагивать через перегородки (рис. 7). Кроме того, ЕА 30 является единственной структурой, включающей внутренние несущие стены, в то время как в доме 47 и ЕА 7 эта же функция осуществлялась при помощи деревянных столбов. Все рассматриваемые сооружения содержали однотипную скамью – широкую и низкую, но лишь дом 47 имел очаг³³. Эта деталь повлияла в свое время на его интерпретацию в качестве примера домашней архитектуры VIII тыс. до н.э.³⁴

³⁰ *Stordeur et al. Les bâtiments...* P. 32–35.

³¹ *Корниенко. Ук. соч. С. 95–112. Рис. 1, 3, 4, 6, 7, 9, 10.*

³² *Stordeur et al. Les bâtiments...* P. 35.

³³ *Cauvin. Les fouilles ...; Stordeur et al. Les bâtiments...* Fig. 2–7, 12.

³⁴ *Aurenche O. Un exemple de l'architecture domestique au VIIIe millénaire: la maison XLVII de Mureybet // Le Moyen Euphrate, zone de contacts et d'échanges. Leiden, 1980. P. 35–54.*

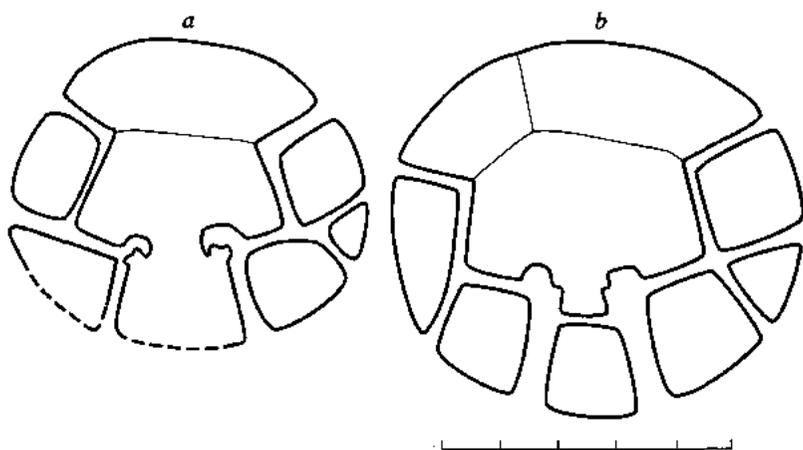


Рис. 6. Дом 47 из Мурейбита (а) и ЕА 30 из Жерф эль-Ахмара (b): сопоставление планов и размеров (по: *Stordeur et al. Les bâtiments... Fig. 7*)

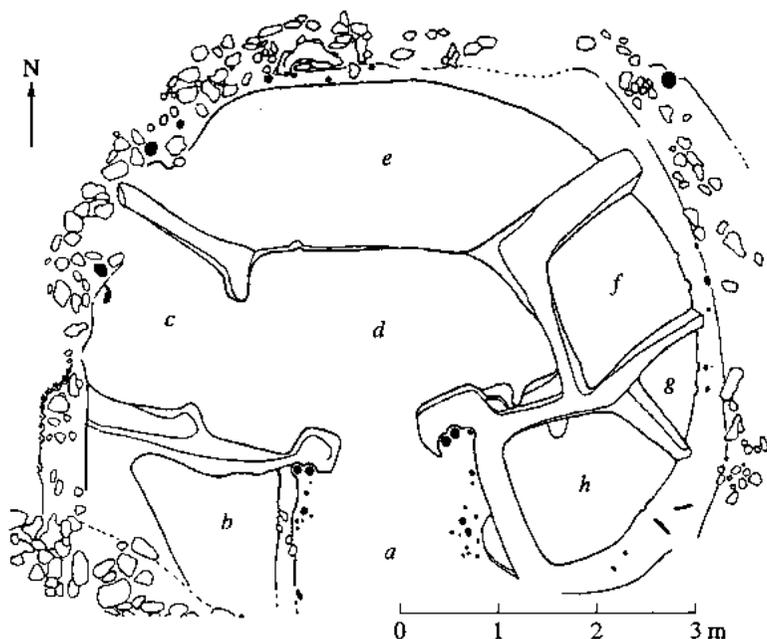


Рис. 7. Мурейбит. Дом 47 – план постройки (по: *Stordeur et al. Les bâtiments... Fig. 2*)

Как сообщают авторы раскопок, строение ЕА 7 предоставило незначительное количество сопутствующих свидетельств. Исследования ЕА 30, напротив, зафиксировали нахождение ряда артефактов *in situ*, что дает возможность сделать некоторые выводы о назначении его помещений. В частности, остеологические останки животных, остатки производства, набор орудий и оружия обнаружены исключительно в пределах ячеек № 2, 3 и 7, которые были легко доступны благодаря примыкавшим к ним ступенькам. Оружие и орудия, найденные здесь, были крупных размеров и сделаны с осо-

бой тщательностью. Небольшой овальный терочный камень содержал остатки охры. Остатки обсидиана – предмета престижа, импортного материала – были также сконцентрированы в указанных помещениях. Отмечено, что здесь его намного больше, чем в обычных постройках или на иных участках поселения. Среди свидетельств фауны присутствуют хорошо сохранившиеся останки зубра, крайне редко встречающиеся где-либо в другом месте.

Комната № 5 и два помещения, к ней примыкающие, не содержали артефактов вообще, причем полы их не несут следов частой эксплуатации, как неоднократно реконструировавшаяся поверхность полов в ячейках № 2, 3, 7. Авторы раскопок предполагают использование помещения № 5 в качестве зернохранилища, а примыкающих к нему комнат – как складских помещений для скоропортящихся продуктов, но каких-либо прямых свидетельств, позволяющих это утверждать, нет.

На гладком и хорошо убранном полу центральной комнаты обнаружен лежавший на спине скелет человека с раскинутыми в стороны руками. Череп и четыре первых шейных позвонка отсутствовали, в то время как остальные части скелета сохранили точную анатомическую последовательность. Они были покрыты обожженными обломками и несли на себе следы огня. Разложение мягких тканей произошло в замкнутом пространстве достаточно быстро для того, чтобы следы трупного окоченения не были стерты. Раздавленное состояние грудной клетки свидетельствует о повреждении тела под весом руин. Данные характеристики рисуют эпизод, в котором смерть человека, пожар здания и обрушение крыши на труп происходило в короткий промежуток времени³⁵. Анатомические анализы пока не опубликованы. Однако уже можно с достаточной долей уверенности говорить о свидетельствах хорошо продуманного и проведенного в определенном порядке экстраординарного жертвоприношения, связанного, судя по всему, с ритуалом «погребения» строения ЕА 30³⁶. Помимо этого человеческий череп и отдельно нижняя челюсть, не соотносимые со скелетом в центральной комнате, найдены в углу соединения двух стенных перегородок данной постройки. В сооружении ЕА 7 также выявлены останки человека, помещенные на дно ямки, предназначенной для нижней части одного из двух больших несущих столбов. Материалы соответствуют первоначальному состоянию здания, что указывает на совершение строительной жертвы перед возведением этого сооружения, заложенной в семантически значимую часть его основания³⁷.

В доме 47, как и в строениях ЕА 30, ЕА 7, центральная комната была тщательно убрана, она оказалась пустой. Ячейка «f» содержала множество останков птиц. Ячейка «a» имела небольшое углубление в полу и была самой богатой по количеству обнаруженных в ней находок. Деревянные блюда с ручкой, орудия из кремня и кости, чаша из камня, маленький глиняный сосуд, каменная статуэтка, 77 маленьких обработанных камней собраны здесь. В большинстве же ячеек дома 47 сопутствующие материалы не были столь многочислен-

³⁵ *Stordeur et al. Les bâtiments...* P. 36–37.

³⁶ Об этом ритуале, практиковавшемся жителями докерамических поселений Северной Месопотамии, ср. *Корниенко*. Ук. соч. С. 95.

³⁷ Похожие свидетельства совершения жертвоприношений известны из материалов Хассуны и Ярым-тепе I – широко исследовавшихся памятников хассунской культуры (Верхнее Двуречье, VI тыс. до н.э.). См. *Lloyd S., Safar C. Tell Hassuna // JNES. 1945. 4. P. 262–274; Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981. С. 46–86; Антонова*. Ук. соч. С. 69–77.

ны. Человеческие останки в этом сооружении не обнаружены, однако антропоморфные статуэтки, как и кости зубра, найдены под обгоревшими обломками крыши³⁸. Данные свидетельства, на наш взгляд, сопоставимы с находками костей зубра и жертвенными останками людей в ЕА 30, ЕА 7 Жерф эль-Ахмара. В доме 47 фигурки людей могли «замещать» человеческие жертвы. И те, и другие объекты, очевидно, были оставлены с целью ритуального выделения соответствующих построек. Традиция размещения семантически значимых останков зубра/быка/козла/барана в особых строениях докерамического неолита, помимо Жерф эль-Ахмара, Мурейбита и Халлан Чеми, зафиксирована в Телль-Асваде, Чейеню, Телль-Халуле на территории Северной Месопотамии, а также в Загхе и Гандж Даре в северо-западной части Ирана.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют сделать вывод о многофункциональном, в том числе утилитарном, предназначении рассмотренной группы строений. Их присутствие на поселении в качестве общественных сооружений для концентрации, хранения, производства и, возможно, распределения ценных материалов и объектов особенно ярко проявилось в размерах, сопутствующих свидетельствах и специальной конструкции, отличающих эти здания от ординарных построек, которые их окружали. Вместе с тем наличие большой центральной комнаты, где не было найдено каких-либо бытовых остатков, широкой скамьи, занимающей значительную площадь помещений, а также следов проведения специальных обрядов, в частности связанных со строительством и «погребением» данных сооружений, наводит на мысль об осуществлении здесь в отдельных случаях коллективных действий культового порядка. Несложно заметить, что по ряду характеристик, выделяющих дом 47 (Мурейбит), ЕА 30 и ЕА 7 (Жерф эль-Ахмар) из поселенческого контекста, рассмотренные материалы перекликаются с представленными выше свидетельствами общественных строений первого слоя Халлан Чеми.

Ко второму типу общественных построек, выявленных на территории Северного Леванта, относятся ЕА 53 и ЕА 100 (Жерф эль-Ахмар). Они функционировали позднее, на переходном от PPNA к PPNB этапе, и демонстрируют уже несомненно символическое оформление помещений. Из двух указанных строений хорошо сохранившимся, во многом благодаря пожару, и подробно исследованным является ЕА 53.

Это значительных размеров круглое в плане ($d = 7$ м), углубленное на 2 м в землю сооружение (рис. 8). Как и в случае ЕА 30, аккуратно сделанная из камня стена, укрепленная регулярными близко расположенными деревянными столбами (на этот раз их было около 30), окаймляла края ямы. Она примыкала к отреставрированной стене ранее существовавшего на этом месте здания. По собранным обломкам было установлено, что стена продолжалась над землей на высоту 50 см. Сложный раствор, включающий глину и гравий, скреплял кладку из «сигарообразных» обработанных известняковых камней, размеры которых постепенно уменьшались от нижних слоев к верхним. Толстый слой глиняной штукатурки, сохранившей следы раскраски, покрывал поверхность стены. Что касается устройства крыши, то анализ обрушившихся в процессе пожара фрагментов позволил предположить, что лучеобразный остов, состоящий из деревянных элементов, был положен на шесть центральных столбов и на деревянные столбы стены постройки (рис. 8d). Небольшое понижение в центральном участке пола могло остаться

³⁸ Cauvin. Les fouilles ...; Stordeur et al. Les bâtiments... P. 36–37.

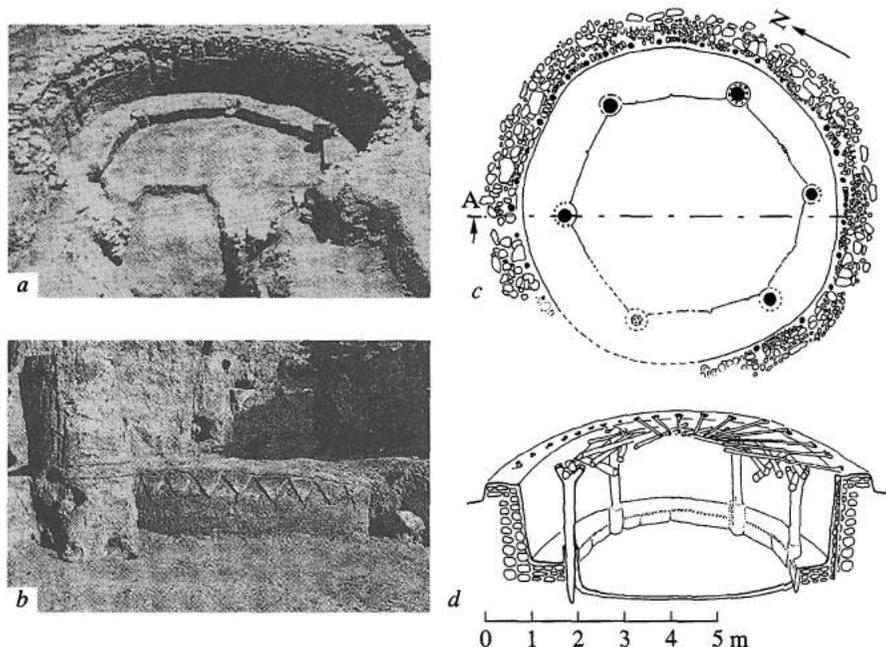


Рис. 8. Жерф эль-Ахмар. ЕА 53: *a* – фотография, общий вид сооружения; *b* – фотография украшенной скамьи и одного из центральных столбов; *c* – план постройки; *d* – реконструкция в разрезе с предполагаемой крыши (по: *Stordeur et al. Les bâtiments... Fig. 9*)

от использования переносной лестницы, при помощи которой попадали в помещение.

В отличие от сооружений первого типа, внутреннее пространство ЕА 53 не подразделялось на отдельные помещения, и его единственной сделанной из «сигарообразных» камней, скрепленных раствором, структурой являлась примыкавшая к стене на всем ее протяжении широкая скамья (ширина – от 0.60 до 1 м). Данная скамья обрисовывала равносторонний шестиугольник со стороной 2.50 м, который гармонично вписывался в круговой план здания, оставляя в центре обширный участок свободного пространства. В каждом углу этого шестиугольника был установлен поддерживающий крышу мощный деревянный столб, глубоко вкопанный в землю на расстоянии 0.80 м от стены и также покрытый слоем глиняной штукатурки. Спереди скамья в промежутках между центральными столбами была облицована поставленными на ребро тщательно выполненными, отполированными тяжелыми известняковыми плитами (длина – от 0.75 до 1.28 м, высота – 0.45–0.50 м и толщина – от 0.11 до 0.17 м). После их установки центральное шестиугольное пространство и поверхность самих плит покрыли смесью из камешков и лимана. Наконец, тонкий слой раствора, состоящий из лимана и шелухи злаков, был нанесен на все внутренние структуры здания (стену, нижние части центральных столбов, пол и скамью). Поверхность этого слоя разглажена при помощи воды.

Весьма интересным является то, что центральные столбы ЕА 53 сохранили явные свидетельства декора. Кроме того, верхний край плит, спереди оформлявших скамью, был украшен выразительным фризом, состоящим из

выпуклых рельефных треугольников и вырезанных ломаных линий (рис. 8b). Материалы раскопок свидетельствуют, что украшение плит и центральных столбов выполнялось *in situ* после того, как плиты были уже установлены на свои места и обмазка нанесена на эти структуры. В частности, зафиксирована непрерывная продолжительность декора от одной плиты к другой, а также тот факт, что слой раствора, нанесенный на нижнюю часть столбов, никогда не закрывал вырезанный на глиняной поверхности рисунок. Добавление вырезанных рисунков к рельефному оформлению плит ставит вопрос о возможности их нанесения не в ходе строительства, а во время проведения здесь торжественных ритуальных собраний. Наиболее часто из изображений в ЕА 53 встречаются ломаные и волнистые линии, а также ряд скрепленных между собой расположенных вершинами вниз треугольников. Один рисунок, выгравированный на покрытии одного из центральных столбов, похож на изображение змеи: волнистая, расположенная вертикально линия, на верхнем конце ограниченная треугольником. Можно заметить, что в сумме представленные мотивы относятся к единой семье знаков, передающих символику воды и широко распространенных в раннеземледельческих культурах. Авторы раскопок сообщают, что подобные мотивы украшали и некоторые другие объекты Жерф эль-Ахмара, например каменные вазы³⁹.

Заглубленное в почву сооружение ЕА 100 еще больше по размеру, чем ЕА 53, но такого же типа (с единственным помещением и широкой скамьей, примыкавшей на всем протяжении к стене). Его остатки были обнаружены на Западном холме, когда воды Тихринского водохранилища уже заполняли раскоп. К сожалению, не было никакой возможности исследовать ЕА 100 подробно. Мы располагаем лишь точечной информацией об этой уникальной для своего времени постройке. В доступных публикациях отсутствуют ее планы и фотографии. Однако из сообщений авторов раскопок известно, что плиты, украшавшие спереди скамью, примыкавшую к стене ЕА 100, в своей верхней части так же, как в ЕА 53, были декорированы рельефным фризом треугольников. Помимо этого, схематичные и антропоморфные рисунки прибавляются здесь к уже выявленным в ЕА 53 мотивам. Такие рисунки были выгравированы на одной очень массивной плите и, по мнению Д. Стордэр, вероятно, изображали человеческие тела без головы (сразу вспоминается обезглавленный скелет, обнаруженный в ЕА 30). Однако самым замечательным, на наш взгляд, открытием явилось то, что по обе стороны от этой плиты были установлены (немного с наклоном к центру) две скульптурные стелы (рис. 9). Выполненные из цельных известняковых блоков, они явно изображают некие одушевленные существа, верхняя часть которых украшена рельефным и выгравированным орнаментом. В частности, вокруг шеи в обоих случаях нанесен уже известный по другим находкам ряд расположенных вершинами вниз рельефных треугольников. По фотографиям сложно судить, кого изображают данные скульптуры. Авторы раскопок предполагают зооморфный характер изображений: грифы (по определению Л. Гуришона), хищники (по определению Д. Стордэр)⁴⁰. Вместе с тем важным является само нахождение скульптурных стел подобного вида в неординарной, символически оформленной, углубленной в почву, больших размеров постройке «ширококомнатной» планировки, датируемой переходным PPNA/PPNB этапом. В дальней-

³⁹ *Stordeur et al. Les bâtiments...* P. 37–40. Fig. 8–10, 13.

⁴⁰ *Ibid.* P. 40. Fig. 8–11.

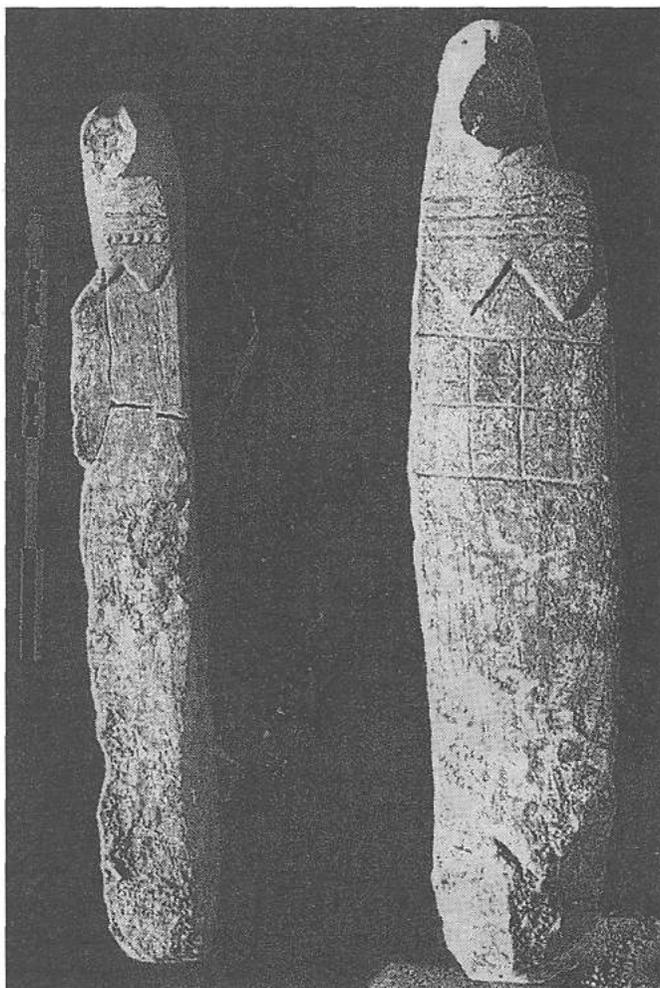


Рис. 9. Жерф эль-Ахмар. Скульптурные стелы из строения EA 100 (по: *Stordeur et al. Les bâtiments...* Fig. 11)

шем в эпоху PPNB на территории Северной Месопотамии эта традиция укрепится и будет продолжена, что подтверждено материалами подробно исследованных памятников Южного Тавра: Чейеню Тепеси, Невали Чори и Гебекли-тепе⁴¹. В границах строений EA 53, EA 100 не выявлено ни очага, ни каких-либо иных следов домашней или производственной деятельности. Напротив, особенности планировки, конструкция, исключительное оформление помещений выделяют эти сооружения из общего поселенческого контекста (рис. 10) и освещают картину проведения в них торжественных собраний, имевших, судя по всему, культовое значение. На этом фоне далеко не случайным представляется открытие жертвенного заклада в скамье EA 53 (подробно исследовавшегося строения), состоявшего из двух лопаток молодых зубров (!), положенных плашмя. Показательно также, что верхняя часть всех плит скамьи в обоих зданиях продемонстрировала следы интенсивного

⁴¹ Подробнее см. *Корниенко. Ук. соч.*

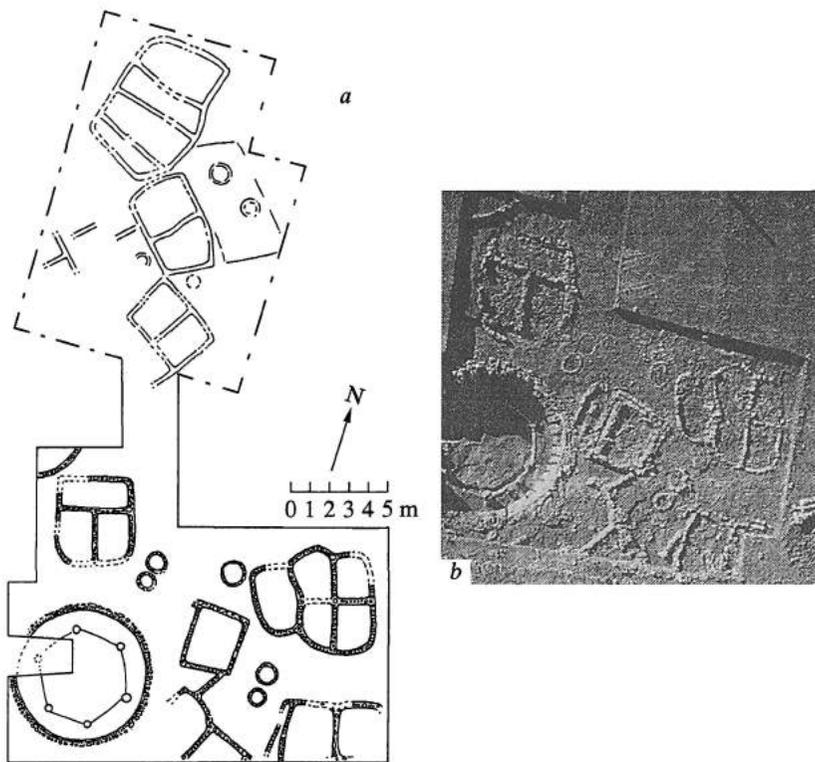


Рис. 10. Жерф эль-Ахмар. Уровень I/E со строением EA 53: *a* – план раскопа; *b* – фотография с воздуха (по: *Stordeur et al. Les bâtiments...* Fig. 13)

износа до такой степени, что некоторые рисунки оказались повреждены. Эти свидетельства указывают на регулярную частоту посещения сооружений и использование скамей в качестве мест для сидения многими людьми⁴².

В заключение отметим, что два последовательно функционировавших на Жерф эль-Ахмаре типа общественных сооружений, выявленных в уровнях, относящихся соответственно к позднему PPNA и переходному PPNA/PPNB, имеют много общего. Все постройки общественного назначения, в отличие от ординарных домов, почти полностью углублены в землю, большого размера, круглоплановые и, судя по имеющейся информации, были расположены на окраине поселения. При строительстве этих зданий совершены закладные жертвы, а на финальном этапе их существования проведен специальный обряд «погребения». Факт использования устойчивой геометрически выверенной конструкции зданий в различных строительных горизонтах памятника, где отмечается большое разнообразие архитектурных форм, показателен сам по себе. При этом прослеживается явная преемственность от древнейшего вида так называемых полифункциональных построек общественного назначения к устройству более поздних общественных «узкоспециализированных» строений EA 53, EA 100. Выделив контур периферийных помещений, формирующих центральное пространство в EA 30, можно увидеть тот же шестиугольник, который станет правильным и равносторонним в центральном про-

⁴² *Stordeur et al. Les bâtiments...* P. 40.

странстве ЕА 53 (рис. 5 и 8). Уже в плане древнейших конструкций просматривается желание освободить центральный участок, но только техническое усовершенствование переходного PPNA/PPNB этапа дало возможность ему реализоваться в полной мере. Действительно, благодаря установке круга несущих столбов центральное пространство было расширено, а его контур принял абсолютно точную круглую форму. В то же время периферийные ячейки исчезают, и все действия происходят уже в единственном помещении, с акцентом на его центральный участок, куда было направлено внимание восседавших на скамье по кругу людей. Именно по отношению к центру организуется теперь структура здания. Исследователи памятника делают интересное наблюдение о том, что концентрация на единственной функции ритуальных собраний оказала непосредственное влияние на трансформацию плана строений общественного назначения от первого ко второму типу с переходом от осевой к центральной симметрии и изменением общей геометрической композиции. Такая эволюция, пишет Д. Стордэр, в целом отражает веяния раннеолитической эпохи, когда изменения экономического порядка (начало сельскохозяйственной деятельности) сопровождались техническими и символическими инновациями⁴³.

Сопоставимые между собой материалы Халлан Чеми, телля Мурейбит и Жерф эль-Ахмара дают исключительно важную информацию о начальных этапах архитектурной традиции возведения построек общественного назначения на территории Северной Месопотамии в эпоху раннего докерамического неолита. Их открытие, а также обнаружение остатков «домов-святилищ» в Гермез Дерэ и Немрик IX свидетельствуют о том, что некоторые особенности возведения и оформления общественных зданий Северной Месопотамии, утвердившиеся окончательно уже как характеристики сакрального строительства в эпоху PPNB⁴⁴, берут свое начало в более ранний период на этой территории.

SYMBOLIC DECORATION OF HOUSES AND PUBLIC BUILDINGS IN EARLY PRE-POTTERY NEOLITHIC PERIOD (PPNA EPOCH) IN NORTHERN MESOPOTAMIA

T.V. Kornienko

One of the changes in human conscience proved by material evidence of the first stage of late Stone Age in the Upper Mesopotamia is the change of attitude towards dwelling places, which some scholars define as «respectful», and others connect with the forming of the «conception of home».

At that time the house was regarded as a centre of the «big family» and as a family sanctuary directly connected with parents and ancestors of the people who lived in it. This attitude is seen in the fact that the central parts of «home-sanctuaries» in Germez Dere and Nemrik IX were decorated with pairs of symbolic columns, as well as in the peculiarities of the burials discovered in these buildings.

As the territorial principle of social organization began to predominate, the sacral centre of the universe was transferred from family sanctuaries to polyfunctional public buildings. Religious function of the buildings unearthed on Hallan Cemi, in Jerfel Ahmar and Mureybet is proved by the remnants of offerings, some traces of other rituals and by the elements of symbolic decoration of the buildings, the elements which designated the presence of supernatural powers in there. The practice of erecting special cult buildings was further developed during the following period, as one can see in the monuments of the PPNB epoch in Southern Taurus and in the neighbouring territories.

⁴³ Ibid. P. 42–43.

⁴⁴ Корниенко. Ук. соч. С. 113.